

**Сергей
Аксёнов**

Стратегия-31 день за днем

ИСКРОВО
2012

**БОРЬБА
ЗА ТРИУМФАЛЬНУЮ**

Сергей Аксёнов
Борьба за Триумфальную.
Стратегия-31 день за днем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27613363

ISBN 9785448598494

Аннотация

Политический протест с санкции властей – нонсенс. Конституция России гарантирует гражданам право на мирные собрания и шествия. Вот почему Эдуард Лимонов предложил в свое время гражданский, надпартийный проект, известный как «Стратегия-31». Опираясь на основной закон, участникам движения удалось создать в двух шагах от Кремля – на Триумфальной площади – плацдарм для борьбы за свободу собраний. Впереди были выборы 2011—2012 годов. Спустя годы имеет смысл вспомнить, как это было. Ради будущего страны.

Содержание

Слово о русской свободе	5
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Борьба за Триумфальную Стратегия-31 день за днем

Сергей Аксёнов

Иллюстратор Игорь Черченко

Фотограф Станислав Решетнев

Фотограф Дарья Дорохина

© Сергей Аксёнов, 2017

© Игорь Черченко, иллюстрации, 2017

© Станислав Решетнев, фотографии, 2017

© Дарья Дорохина, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4485-9849-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Слово о русской свободе

«Граждане России имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование». С началом в 2009 году борьбы за свободу собраний на Триумфальной площади, эти слова стали, пожалуй, самым цитируемым фрагментом российской конституции. Гражданский, надпартийный, объединяющий общество протест получил название Стратегии-31, по номеру статьи основного закона. Каждое 31-е число «несогласные» выходили на Триумфальную площадь явочным порядком, несмотря на запрет властей, готовые к разгону силами полиции, задержаниям и арестам. В дождь, снег, в дачный сезон или канун Нового года равно. Именно в упорстве, в решимости не подчиниться незаконным требованиям власти, была вся соль Стратегии. Не обмануть власть, не проявить «договороспособность» в отношениях с ней было главной доблестью инициаторов движения. Напротив, тактический успех был достигнут благодаря твердому и последовательному отстаиванию своего права. Именно сепаратный отказ от такой линии правозащитной части движения и привел впоследствии поражению общества. Свободу собраний отстоять не удалось. Тот, кто не понял этого в 2010-м на Триумфальной, убедился позже на Болотной, когда коллаборанты из либеральной оппозиции обнулили борьбу первого

постсоветского политического поколения.

Автором идеи Стратегии-31 был и есть Эдуард Лимонов. Именно он предложил формулу борьбы и ее основные принципы. Что послужило толчком, побудительным мотивом к этому мне доподлинно неизвестно. Но есть догадка. Незадолго до старта борьбы на Триумфальной наш соратник Юрий Червинчук, работавший по контракту в Индии, вернувшись в Россию подарил Деду англоязычную биографию Махатмы Ганди. Возможно, история индийской «сатьяграхи» – ненасильственного сопротивления британским колонизаторам и надоумила Лимонова использовать похожую тактику в России. Другой, более глубокой, фундаментальной, причиной появления нового формата был крах всех старых форматов уличной борьбы. Трехлетняя практика организации Маршей несогласных в составе коалиции «Другая Россия» (2006—2008 годы) убедили Лимонова и нацболов¹, что коллективное руководство протестом – зло. Старые пройденные хитрецы от политики, интриганы и подлецы, неизбежно «сговняют» (выражение Э.Л.) любое талантливое начинание. Каждый по своим причинам. От слабости, трусости, но чаще из зависти к ближнему, из нежелания допустить успех политического союзника, которого рассматривают в первую очередь как конкурента. Радоваться тому, что «у соседа корова сдохла» – стиль жизни значительной части

¹ *Нацболы – закрепившееся в прессе название политических сторонников Эдуарда Лимонова.*

нашей политической оппозиции. Увы.

Пережив период политического безвременья после инаугурации Медведева весной 2008 года, опробовав в качестве тактического приема так называемые Дни несогласных (они пришли на замену маршам) по тем или иным поводам, ведомые Лимоновым нацболы приступили к организации нового гражданского движения. Прежде чем обратиться к обществу с призывом выйти на Триумфальную следовало сначала доказать себя. Вот почему исторически первому митингу 31 июля 2009 года предшествовало несколько «размичных» акций, в которых принимали участие лишь политические активисты. Помню, была такая в январе, в мае, возможно, и в другие месяцы тоже. Уже тогда нам пришлось столкнуться с яростным противодействием прокремлевских организаций. Так, при подаче заявки на 31 мая в здании московской мэрии на Тверской произошла самая настоящая бойня с активистами «России молодой». Некоторое время ее возглавлял проворовавшийся впоследствии Максим Мищенко. Чувствуя свою безнаказанность, румоловцы² безбашенно атаковали, не обращая внимание на присутствие правоохранителей. Ведь их крышевали депутаты Госдумы. Правда, это им не помогло. Столкнувшись со стальной решимостью нацболов лечь в мэрии костями, прокремлевцы во главе со своим лидером Антоном Демидовым отступили. Кстати, их девушки, срочно вызванные для массовки –

² Румоловцы – активисты организации «Россия молодая».

создавать видимость очереди, немедленно удостоили своей благосклонностью победителей. Смайл.

Затевая столь перспективное дело, важно было возбудить общественный интерес к теме. Стратегию-31 следовало сделать модной. Для этого разумно была использована историческая преемственность Триумфальной площади. Когда-то в конце 1950-х здесь сложилась традиция поэтических чтений. Обыватель легко может вспомнить соответствующий фрагмент позднесоветского фильма «Москва слезам не верит». В тех исторических чтениях, как говорят, принимали участие Владимир Буковский, Юрий Галансков, Эдуард Кузнецов и прочие легендарные личности. Восстановление традиции чтений создало бы живую рекламу этому культовому месту в новом историческом контексте. Нашелся среди нацболов и энтузиаст, известный как Матвей Крылов. Осужденный на условный срок за партийную акцию он не мог принимать личное участие в предстоящей уличной борьбе, а вот применить свой организаторский талант получилось. На первых чтениях, помню, «звездили» Эдуард Кулемин из Смоленска, Магдалена Курапина из Питера, кто-то еще. Как обычно это бывало, начало нового движения вытащили на себе нацболы, приходившие к памятнику Маяковскому по партийному призыву. Со временем, когда столичные поэты преодолели страх и привыкли к явлению, нужда в такой поддержке отпала. Многие постоянные участники впоследствии даже называли Маяковские чтения «своими». В ответ

мы только улыбались.

Важным этапом раскрутки будущего движения стала фотовыставка «Борьба за площадь», которую удалось провести в галерее Марата Гельмана. Большинство фотографий, предоставленных Дмитрием Борко, были сделаны в разные годы на Триумфальной, Пушкинской и Манежной площадях. «Идеологическое направление не имело никакого значения. Мы ограничились тем, что есть слово „протест“ и явление протеста. – рассказывал я тогда журналистам. – Был ли это 1991-й год, 1993-й, 1989-й или нынешнее время – не имеет значения. Мы руководствуемся тем, что право на свободу собраний должны иметь все люди, независимо от их политической позиции. В исторической перспективе мы также старались придерживаться этого принципа паритета, равенства и непредпочтений». На снимках было видно, что в эпоху поздних 1980-х и в начале 1990-х уличный протест был очень массовый. Так, на нераскопанной еще Манежной однажды собралось до трехсот тысяч человек. Можно было взять Кремль. Но при этом протест носил ярко выраженный коммунистический, либо антикоммунистический характер. На снимках эпохи Маршей несогласных были представлены уже все идеологии – каждой твари по паре.

Ярким политическим событием стали дебаты в Центре Сахарова. Мне довелось быть их ведущим. На тот момент уже прошел официально первый (на самом деле нет), июль-

ский, митинг Стратегии-31 и интерес к теме был немалый. Во всяком случае в зале присутствовали не только либерально настроенные граждане, от которых можно было ожидать более живой реакции на тему свободы собраний, но и, например, националисты: Наталья Холмогорова и Владимир Тор. Раньше мы с ними знакомы не были. Оба произвели крайне благоприятное впечатление. Среди массы политических активистов был и такой экзотический персонаж, как Павел Данилин. Рыжий толстяк уже тогда предлагал присутствующим «соглашаться на Болотную», но его никто не прерывал. Слово дали всем. Жаркая дискуссия, споры, о необходимости и перспективе Стратегии-31 были для нее лучшей рекламой, а усталости от бесплодных споров с либералами тогда еще не было. Как не было и предательства со стороны их лидеров. Полные надежд, мы разошлись из Центра Сахарова в отличном настроении. Тем более, что утром того же дня о готовности выйти на Триумфальную заявили правозащитники. Лимонов лично «поработал» с Людмилой Алексеевой и «старуха», как мы называли ее позже, согласилась.

И тут самое время высказаться об организаторах митингов на Триумфальной. Было три заявителя, те, кто физически подписывал уведомления в мэрию: Лимонов, Константин Косякин и Людмила Алексеева. В шутку мы называли их «патриархи». Из-за возраста. Остальные были «рядовые» политические активисты, тянувшие ежедневную работу. Как водится, пока движение было на стадии развития готовых

пахать, заниматься рутинной, было мало. Львиная ее доля досталась нацболам. По мере раскрутки желающих поручить успешным проектом появлялось все больше. Часть таких людей была честно кооптирована нами в оргкомитет. Например, Сева Чернозуб и Настя Рыбаченко. Их нам «выбрала» либеральная «Солидарность». Или Татьяна Кадиева – она пришла от гражданских активистов. Мы стремились к представительности. Именно представительность была их главным достоинством. Какой-то особой креативности, да простят меня коллеги из других организаций, я за ними не заметил. Большую часть работающих идей предлагали все-таки нацболы. Они же в основном их и реализовывали. Речь шла об уличной агитации и всяких нестандартных приемах, позволяющих поднять известность Стратегии и тем привлечь новых людей. Впрочем, коктейль из представителей организаций самых разных идеологий действовал сам по себе тоже.

Для успеха в Москве важным моментом был широкий общероссийский, а позже и глобальный размах движения. Если большинство столичных участников митингов не видело дальше Триумфальной, то на деле нацболы распространили борьбу за свободу собраний на всю страну. Пригодился опыт времен НБП³. Регионы просто воспроизводили происходящее в столице с поправкой на местную специфику. Уже

³ НБП – Межрегиональная общественная организация «Национал-большевистская партия». Признана экстремистской решением Московского городского суда от 19 апреля 2007 о запрете деятельности (вступило в силу 7 августа 2007).

в течение первого года Стратегия-31 стала заметным явлением в полусотне регионов страны. Особенно успешно она проходила в Питере. Отстав от Москвы на полгода, город трех революций быстро наверстал упущенное. Любопытно, что там возникла проблема с выбором места для протеста. Не у нацболов, нет. Нам было очевидно, что ничего лучше Гостинки, «пятак» у Гостиного двора, в городе не существует. Оппонентами выступила, конечно же, местная демократическая общественность. Кажется, часть организации Каспарова. Убедившись в успехе движения в Москве, они жаждали открыть «филиал», но почему-то считали, что имеют моральное право выставлять нам условия. Предлагали Исакиевскую и Дворцовую площади, кажется, только ради того, чтобы не согласиться с нацболами. Устав спорить наши ребята начали движение сами, а оппоненты отправились водить хороводы с шариками на Дворцовую. И делали это некоторое время пока не убедились в собственной никчемности.

Гнилой характер старых либералов сыграет в итоге со Стратегией-31 злую шутку. Однако некоторое время – года полтора, движение развивалось по нарастающей, втягивая в себя, как пылесос, все новые и новые политические силы, новых людей. Из несистемной оппозиции на площадь выходили так или иначе все. Еще больше было «ничейных» людей, гражданских активистов. А вот сподвигнуть выйти на Триумфальную кого-то из думских партий нам так и не удалось. Для них это был слишком явный маркер. Дум-

цы себе такого позволить не могли. Не малую пользу приносила личная позиция известных людей. Главных редакторов СМИ, журналистов, артистов – были и такие. Разного рода экзотика тоже работала. Один только Борис Березовский у российского посольства в Лондоне со значком «31» на груди чего стоил. Выход Людмилы Алексеевой в костюме Снегурочки при всей пошлости этого действия также принес значительный резонанс. Возможно, в связи с решимостью протестующих выходить под самый Новый год – 31 декабря. До тех пор скептики нас убеждали, что это невозможно. Вообще, преодоление скепсиса было основной трудностью на первом этапе борьбы. Дачный сезон, Новый год, жарко, холодно, говорили нам все вокруг. «Свобода или оливье», озаглавил я свой предновогодний текст о свободе собраний.

Пророков действительно нет в отечестве своем. За годы борьбы на Триумфальной в мире не раз вспыхивали протесты, уличные беспорядки, которые можно было сравнить со Стратегией-31 если не содержательно, то хотя бы по форме. Это и события на площади Тахрир в Египте (помните еще?), и протесты в Белоруссии 2011 года, после переизбрания Лукашенко президентом (тогда белорусы ввели моду хлопать), и даже антирусский киевский майдан на ранней его стадии. Во всех без исключения случаях лидеры общественного мнения, российская пресса, раскрыв рот наблюдали за чужой борьбой, аплодируя ей, и не замечая, игнорируя то, что происходило у них под носом. Почему же у нас, в Рос-

сии «так» не хлопают, сокрушалась Татьяна Фельгенгауэр на «Эхо Москвы», будто забыв про Триумфальную. И при этом признавалась, что на собственной свадьбе побоялась использовать воздушные шары синего цвета, чтобы не вызвать ассоциации с «синими ведерками» и не навлечь гнев полиции. «Диагноз: гражданская трусость и профнепригодность», написал я тогда. И это лишь один из примеров. При том, что совсем немолодого Лимонова за годы Стратегии задерживали почти сорок раз. Несколько раз давали «сутки». Сергей Мохнаткин получил уголовный срок. Костя Косьякин хрипел, сидя в спецприемнике, от рака желудка, однако не жаловался. Этих и тысяч других примеров самоотверженного гражданского поведения отечественные «наблюдатели» не видели в упор. Или видели, но не хотели признавать чужих для них героев? Думаю, именно в этом все дело.

Похоже, что с самого начала представители либерального, правозащитного сообщества восприняли Стратегию-31 не как шанс для победы общества, а как конкурирующий с ними проект. Как опасную попытку сильных и смелых потеснить правозащитный паноптикум, состоящий преимущественно из пожилых и вялых посредников между гражданами и государством. В гражданах они видели не самостоятельных людей с собственной волей, а беспомощных жертв, каковыми им и следовало оставаться, чтобы правозащитникам было о чем писать свои жалобы. А иначе за что их будут уважать и платить гранты? Предположу, что всем этим

алексеевым и пономаревым давно уже не нужны в стране никакие свободы, поскольку это лишит их хлеба и мяса, и почетной общественной роли. Чтобы быть востребованными зависимость рядового гражданина от власти им нужно даже в большей степени, чем самой власти. Тогда, в 2010-м, столкнувшись с ситуацией, в которой граждане на Триумфальной неожиданно могли выйти победителями, они экстренно соорганизовались и попытались ликвидировать конкурентов. Именно с этой целью Людмила Алексеева от имени своих коллег предлагала Лимонову и Косякину выйти из состава заявителей, уступив свое место кому-то из патентованных правозащитников. Получив отказ, старуха стала ждать удобного момента. Впрочем, внутри либерального сообщества была и своя особая конкуренция за право предать Стратегию-31. Например, попытка Алексея Венедиктова, была и такая, успехом не увенчалась. В итоге, все лавры убийцы движения за свободу собраний достались счастливой наследнице бренда «МХГ».

Перед тем, как все сдать Людмила Михайловна некоторое время держалась. На моральное давление парламентариев от власти – Владимира Лукина и Александра Музыкантского отвечала отказом. А те давили не стесняясь, ведь задачу решить проблему протеста на Триумфальной им поставил сам президент. Тогда это был еще Медведев. Измотав старуху, эти два записных «правозащитника» – бывший яблочник и бывший префект ЦАО передали ее из рук в руки Влади-

славу Суркову, главному по внутренней политике на тот момент. На совещании Совета по правам человека все и случилось. Сурков шепнул старухе на ушко заветное условие: согласиться лишь с одним единственным ограничением – численности митинга до 800 человек. И старуха не устояла. Дальнейшее было делом техники. Коллаборантке и тем, кто ее поддержал, был предоставлен режим наибольшего благоприятствования: согласование московской мэрии, содействие полиции, а впоследствии и прокремлевского «Румола». На Триумфальной для них была огорожена специальная территория, немедленно получившая неформальное название «загон Алексеевой-Суркова». В те дни в связи с этой историей мне пришла в голову любопытная аллегория... Короткую и злую притчу о «Фее правозащиты», «мистере Власти» и «Радикале» найдете ниже.

Не так давно вся страна имела возможность наблюдать очередной раунд морального падения «феи», когда на свое 90-летие она принимала дома президента Владимира Путина. Кадры старухи, сидящей на тахте вцепившись в руки президента, облетели страну. В какой-то момент Людмила Алексеева совершенно недвусмысленно припала к ним щекой. Споры о «поцелуе рук Путина» наполнили либеральный сектор рунета, а телеканалу «Дождь», снимавшему происходящее, досталась порция критики за, якобы, монтаж. Что же, у феи правозащиты свои, особые, поклонники, спорящие о подобных ничего не значащих деталях. Меня же, поразизи-

ло другое. Просьба Алексеевой к Путину помиловать осужденного на пожизненный срок сенатора Игоря Изместьева. Не политзека какого-нибудь актуального, пусть и либеральных убеждений, а сенатора-душегуба. Убийцу! Вот, кто оказался дорог старухе... В свое время в СИЗО «Лефортово», Изместьев плакал от жалости к себе, а его адвокат Сергей Беляк приводил пример Лимонова, стойко переносившего заключение в той же самой тюрьме и перспективу огромного срока. Возможно, дело в определенной тяге Алексеевой к власти. В молодости это был интерес к «истории КПСС», в эмиграции в работе по заказу американского Конгресса, ну, а теперь, вот, в такой специфической правозащите.

Но вернемся к борьбе на Триумфальной. Пора перестать бросать камни в правозащитное сообщество и начать их бросать в политическую оппозицию. Ибо многие из ее лидеров, включая тех, кто и пальцем не пошевелил для развития Стратегии-31, поперлись за Алексеевой в загон, радуясь исподтишка скорому поражению гражданского движения. Они тяжело переживали успех Лимонова и нацболов и торопились покончить с неприятными конкурентами. Совесть их не мучила, так как они были как бы «добросовестными приобретателями» – все грехи коллаборационизма с властью взяла на себя старуха. Правда, последующие события на Болотной показали, что совести у них, кажется, никогда и не было. Именно на Триумфальной опробовали они свое будущее болотное предательство протеста. «Мы

победили!» – абсурдно закричал тогда Илья Яшин с трибуны, окруженной ментами. Абсурдным здесь были оба слова: и «мы» и «победили». В это время снаружи загона второй оперативный полк МВД трамбовал тех, кто отказался повиноваться этим «капо» от политики. Рядом с Яшиным на трибуне стояли Немцов, Удальцов, Рыклин, Лев Пономарев – вся королевская рать. Все это происходило 31 октября 2010-го, а уже 31 декабря, сидя в ОВД, я с наслаждением послал на х...й яблочника и правозащитника Валерия Борщева, который приперся нас «защищать». Видео инцидента можно найти в интернете. До этого Борщев хвастался, что они, яблочники, тоже приложили руку к расколу на Триумфальной. Получать помощь от таких впадлу.

Конечно, от конкуренции в политике никуда деться нельзя. Однако здесь речь не о конкуренции, а о политических методах, порядочных или нет. Как выяснилось, абсолютное большинство лидеров российской оппозиции банально непорядочны. Предать того, с кем они делали общее дело для них ничего не стоит. Видимо, столь велика в этих людях жажда власти. Хотя в последнее время все больше свидетельств, что нищиеанцев среди них нет и все дело лишь в обычном тщеславии и комфорте. Если нацболы готовились к выборам 2011—2012 годов честно разогревая общество на улицах российских городов, рискуя в том числе и собой, своей свободой, то либеральная часть оппозиции предпочитала обсуждать грядущие события в роскошных отелях. На-

пример, пятизвездочном «Арагат Парк Хаятт». Там, не забыв про кофе-брейк, вершили они, как им казалось, судьбу страны. На площади и улицы эти гастролеры выходили только для того, чтобы предать. Чтобы в час «икс», когда он наступит, у них не оказалось конкурентов. В долгосрочной перспективе такой подход им вряд ли поможет. Немцову, так уже точно. Напомню, его пристрелили на том самом мосту, по которому он уводил 10 декабря 2011 года толпы рассерженных горожан с площади Революции на Болотную. Бог – не Тимошка, видит немножко, говорит в таких случаях русский народ.

Удивительно, но раскол Стратегию-31, правозащитники слили свою часть движения даже быстрее, чем мы ожидали. После пары проведенных в загоне митингов они потеряли интерес к уличной борьбе. А скорее всего никогда его и не имели. Лишь опасение, что у них уведут «тему» вынуждало их некоторое время участвовать лично. Однако, раскол, конечно, надломил поступательное развитие Стратегии. Вера значительной части граждан, выходивших на площадь, была подорвана. Борьбу продолжили самые упертые, среди них нацболы. Мы еще и ввели уличные столкновения с полицией в предвыборный контекст. Собрав еще в октябре 2011 года участников движения в Центре Сахарова, предложили использовать намоленную Триумфальную в качестве точки сбора всех несогласных в дни после парламентских выборов. Голосование, напомню, было запланирова-

но на 4 декабря. Предложение было не только поддержано, но и развито присутствующими. По мнению выступавших, выходить на улицы следовало не только в день голосования, но и на следующий день, а также в течение всего декабря. Только систематическое давление, а не одноразовая акция, способны изменить ситуацию. Благо теперь места гражданского протеста известны в каждом городе: В Москве это Триумфальная площадь, в Петербурге – Гостиный двор, в каждом городе свое.

В результате акции под лозунгом «Выборы без оппозиции – преступление!» проходили на Триумфальной еженедельно всю осень. Позиция несогласных заключалась в том, что даже при самом честном подсчете голосов и прочих равных условиях для партий-участниц итоги таких выборов нельзя считать честными. Целый спектр политических сил, причем самого разного идеологического толка, левых и правых, был просто не допущен к выборам. Избирателю предложено усеченное политическое меню. Ядром акций были нацболы. Ведь нашу новую партию – «Другую Россию», учрежденную годом раньше Минюст так и не зарегистрировал. Товарищами по акциям стали гражданские активисты, проявившие себя по 31-м числам. Мой шестилетний сын Иван, задержанный на одной из таких акций по указанию сотрудника Центра «Э» Алексея Окопного и допрошенный в Тверском ОВД под протокол, рассказал, что ходит с папой на Триумфальную каждый вторник. Папа, признался ребенок, от-

дает его знакомой – Вике, пока сам вместе с другими людьми держит «длинную повязку» из ткани, на которой что-то написано белыми буквами, кричит и разбрасывает бумажки «про правду». «Каждый раз, когда моего папу забирают в полицию, мы с Викой стоим на площадке, которая на улице, и ждем, когда меня заберет моя мама», – продолжал Иван. Кажется, к его рассказу нечего добавить. Ежедневные акции на Триумфальной стали способом политического разогрева граждан накануне дня голосования. Кульминацией стал выход вечером 4 декабря, еще до закрытия участков. Все протестующие были задержаны полицией.

В последующий короткий, но крайне важный период с 5 по 10 декабря 2011 года и была похоронена новая русская, российская, революция. Вряд ли она была бы либеральной. Скорее, народной. Его величество народ получил бы свое полноценное представительство во власти, в парламенте, взамен нынешнего патерналистского типа правления. Именно поэтому вожди либералов предпочли предать протест – испугались потерять даже то небольшое, что имели. Ключевые даты этого времени: 5, 6 и 10 число. На следующий день после голосования, 5 декабря, митинг «Солидарности» на Чистых прудах собрал неожиданно для самих организаторов тысячи и тысячи участников. По его окончании импровизированное шествие то ли на ЦИК, то ли на Кремль привело к задержанию десятков человек, среди которых оказались и коллаборанты с Триумфальной: Яшин и Удальцов,

а также Навальный. Нацбол Саша Куркин, отбывавший «сутки» в камере с одним из них со смехом рассказывал, как тому загоняли море продовольствия и, в том числе семь килограммов шоколада (!). Другой нацбол, Дмитрий Колесников, имевший «ходку» у себя на родине – в Алтайском крае по 318-й статье, отечески взял под защиту бестолкового и шепутного Пашу Шехтмана. На том попробовали отыграться «козлы» – тюремные баландеры. Тогда нацболов и либералов еще не разделил Донбасс и такое было возможно.

Черед Триумфальной площади пришел на следующий день – 6 декабря. Рассерженные горожане рвались куда-нибудь выйти и вышли на единственное твердо им знакомое место – к памятнику Маяковскому. Без всяких заявок и призывов. Сами. По оценке ГУВД, народу собралось 8 тысяч. Вот как описывал это Лимонов в своей книге «Дед»:

«Когда Дед в седьмом часу вечера прибыл на площадь, ему пришлось идти пешком, преодолевая полицию и рассекая полицейские толпы. Со всех сторон на несанкционированный стихийный митинг шли люди... Тверская улица была похожа на известную картинку Эдварда Мунка „Вечер на Карл-Юханс-Гате“. Мертвенно-бледные рассерженные лица, толпа призраков, странно негромкая для большой толпы, протискивалась к Триумфальной. Странно вела себя полиция. Она не пыталась остановить движение людей к площади. Создалось впечатление, что обе стороны, протестующих и полицейская, были застигнуты

врасплох и не совсем поняли, что им следует делать... Когда его втащили в автобус, а автобус возвышался над Тверской на добрые 70 сантиметров, а то и на метр, он увидел, как много людей пришло. Вся Тверская улица с двух сторон была черна от народа, и народ вылился в беспорядке на тротуары, фактически парализовав движение автомобилей».

Именно в тот день на Триумфальной состоялся финальный выход прокремлевцев. Их роль как всегда была незаметной – изображать присутствие народа и тем давать повод полиции «защищать» площадь от собравшихся протестующих граждан. Полиции они только мешали и через несколько месяцев всю эту синекуру прикрыли, уволив их куратора Владислава Суркова из администрации президента. Полицейские же итоги дня впечатляли – 569 задержанных. В столичных ОВД не хватало места. Больше чем 6 декабря на Триумфальной в один день в Москве не арестовывали никогда. Ну, разве что в царские времена.

Самым трагическим для протеста стало, конечно, 10 декабря. Случайно поданная на площадь Революции заявка (организаторы рассчитывали на 300 человек) оказалась как нельзя кстати. В первую очередь своим географическим расположением. Близость Госдумы, Кремля и ЦИК – главных нервных центров государства позволила бы протестующим быть более убедительными перед властью. Многотысячная толпа в таком месте – сила. Принцип ненасильственного со-

противления, обкатанный на Триумфальной, вполне реально мог привести народные массы к победе. А масс, желающих выйти на площадь, оказалось значительно больше, чем предполагали и в Кремле и в оппозиции. Вот почему в течение 7, 8 и 9 декабря властью и лидерами либеральной части протеста были предприняты титанические усилия по перемещению места сбора рассерженных горожан на остров, за реку, на Болотную площадь. Помните, именно Болотную предлагал в ходе дебатов Стратегии-31 прокремлевский Павел Данилин? Они там давно сообразили, что это лучшее место для протеста в центре города с точки зрения полиции. Естественные преграды надежно защищают ключевые точки столицы. А кроме того, в России любят символизм. Именно там, на Болотной, казнили в свое время лидера народного бунта Емельяна Пугачева.

Единственным из лидеров оппозиции, кто ясно и громко высказался против переноса митинга на Болотную был Эдуард Лимонов. Многолетний опыт Триумфальной учил, что уступив власти один только раз протестующие больше никогда не смогут настоять на своем. А значит протест, да, будет, но успеха не случится. Все уйдет в песок. Причем в самый решающий момент, который потом повторится еще очень не скоро. К сожалению, так и случилось. Либеральное крыло протеста при посредничестве Алексея Венедиктова, под бутылку «вискаря», договорилось с властью о переносе. Вот как об этом написал спустя пять лет (к юбилею событий!)

администратор страницы в Фэйсбуке, посвященной митингу на площади Революции, Илья Клишин:

«5 декабря вместе со всеми пришли на Чистые, дошли до Лубянки (за мной два омоновца гнались до ЦУМа, не догнали). На следующий день, 6 декабря, протест был обезглавлен: почти всех „лидеров“ задержали за день до этого, поэтому люди как-то стихийно собрались на „намоленную“ Триумфалку, где ходили бесцельно вперед-назад по Садовому от Концертного зала Чайковского до Патриарших, периодически их винтили. Я там был по редакционному заданию и писал про „новых людей на улице“. От очередных новых людей я услышал, что должен через несколько дней (а именно 10 декабря) пройти большой митинг. Я вернулся домой и стал гуглить. Нашел только новость Ленты.ру от двадцать какого-то ноября про то, что Левому фронту и Солидарности согласовали митинг на триста человек на Площади Революции на 10 декабря. Странно, подумал я, что я не слышал об этом. Спросил в твиттере, там тоже никто не слышал. Чтобы поделиться этой занимательной новостью с как можно большим количеством людей, мы с Кирилл Меженцев выбрали не формат поста в фэйсбуке, а мероприятия в фэйсбуке – ну как для вечеринок или выставок. Это была ночь со вторника на среду. Я кинул ссылки в соцсети и лег спать. Проснулся от звонка английского телевидения: „Это

вы готовите революцию в России?“ К этому моменту там уже записались 25 тысяч человек. Я оказался обладателем непонятного ресурса. Ивенты в фейсбуке не рассчитаны на такое количество участников, поэтому я не мог добавить других администраторов. Мне звонили из Солидарности (те немногие, кого не задержали 5 декабря), говорили, что не понимают, что делать с этими десятками тысяч человек, которые я к ним собрался привести. Я оказался на ужине неравнодушной интеллигенции (назовем это так) у Сергея Пархоменко. Через Алексея Венедиктова (его там не было) до нее был доведен однозначный месседж: акцию надо перенести в другое место, у стен Кремля будет Минск-2 и даже похуже. Восьмого декабря шли переговоры. Пархоменко и Рыжков собственно. Немцов прилетел в Москву только поздно вечером. Чем я занимался все это время? Я практически не спал все три дня до митинга. Будучи несменяемым модератором ивента в фейсбуке, я отвечал на все вопросы людей. 90 процентов из них никогда не были на протестных акциях. Спрашивали надо ли надеть мотоциклетный шлем и будут ли их бить дубинками? Спрашивали можно ли прийти с маленькими детьми или со старушкой-матерью. Очень много таких вопросов было. В ночь с 8 на 9 декабря Пархоменко, Рыжков и Немцов достигли договоренности о „30 тысячах на Болотной“. И позвонили мне. Я нажал кнопку отредактировать и отредактировал. Возможно, я был не прав. Но я

хочу, чтобы вы поставили себя на мое место тогда и сказали, что бы ответили всем этим людям, которые никогда не были на митинге и хотели прийти туда с шарами, цветами и грудными детьми. Впрочем, наверняка, можно было найти и лучшее решение. Я его не нашел».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.